

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ

Э.А. Шеуджен

С природно-географическим фактором органично связана проблема этногенеза. В последнее время серьезной критике стали подвергаться признаки этнической общности, закрепившиеся в науке еще в XIX в.: язык, территория, экономическая жизнь, психический склад, общность культуры. Немало современных исследователей считают, что этническая общность есть совокупность людей, имеющих общую культуру, обладающих общим самоназванием и осознающих свою общность [28, с. 39].

Можно согласиться с тем, что в современном постиндустриальном обществе, общность территории и экономической жизни не имеют принципиального значения, но как историческое явление они не могут не учитываться. Вне всякого сомнения, история адыгов, как и других этносов, неразрывно связана с определенным участком земной территории, с опытом использования ландшафтно-природных ресурсов. Именно в этом пространстве объективно складывалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения этой земли.

Понятно, что по мере развития общества снижается степень воздействия на его жизнь природной среды, нивелируется влияние накопленного опыта. Существует мнение, что чем выше уровень социального и культурного развития общества, тем меньше удельный вес природы среди факторов, определяющих его дальнейшую судьбу. Однако нельзя не признать, что в этих случаях влияние природной среды проявляется более сложным образом и не может не учитываться при любом историко-культурном анализе.

Установление связи исторического прошлого народов со средой обитания представляет достаточно сложную проблему. Еще в XVIII в. Шарль Луи Монтескье в знаменитом трактате «О духе законов» утверждал, что мир истории детерминирован объективными условиями человеческого бытия. Он был убежден, что географическая среда: климат, почва, местоположение решающим образом влияют на общественное устройство и экономическую деятельность. Более того, формируют характер, «дух» народа, и, в конечном счете, определяют существующие у различных народов формы государственной власти и законодательства [24, с. 369].

Зависимость человека от географической среды фактически признается всеми исследователями. Исключение составляют лишь немногие, стоящие на позициях географического нигилизма, полностью отрицающие значение природного фактора в истории человеческих сообществ. В результате сложилось представление о человеке как физическом существе, входящем неразрывной частью в «систему природы». Василий Осипович Ключевский,

начиная свой известный курс русской истории, подчеркивал, что изучению истории народов необходимо предпосылать обстоятельное описание природных условий, считая их силой, «которая держит в своих руках колыбель каждого народа» [18, с. 63]. В то же время пришло осознание ограниченности подобного натуралистического подхода, крепло понимание того, что эти отношения весьма разнообразны и отражают многоплановое взаимодействие природных и социальных факторов [3; 4; 11; 27].

Природная среда, окружающая человека, по терминологии Фернана Броделя, относится к феноменам «большой длительности» прямо или косвенно, осознанно или неосознанно воздействующим на развитие человеческого общества. В «двусторонней борьбе с самим собой и с природой» народ вырабатывал «свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления» [6, с. 78-79]. *Несомненно, эти положения имеют общетеоретическое значение.*

Обращение к природно-географическому фактору стало типичным явлением в северокавказской историографии. Традиционно исследователи считали обязательным правилом детально описывать среду обитания, считая, что именно природно-географические особенности региона, предопределили многие специфические черты жизни народов. Начиная с первых «зарисовок» и вплоть до фундаментальной истории народов Северного Кавказа, изложению исторических проблем предпосылались описания естественно-природных условий региона, где, по точному замечанию Федора Андреевича Щербины, «чудеса природы слились с загадками истории таинственных народностей» [35, с. 1].

К факторам выраженного «влияния», прежде всего, принято относить: климат, структуру поверхности (равнинность, холмистость, гористость и т. д.), наличие водного компонента, растительный и животный мир, ритмы «угрожающих» бедствий (землетрясения, наводнения, ураганы, природно-очаговые заболевания)¹. В этом смысле базовое значение имеют климатические условия. Обращаясь к этому вопросу, Семен Михайлович Броневский, автор получившей широкую известность книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», отмечал: «Климат сей части, хотя она лежит в умеренной полосе, вообще суров, за исключением некоторых заслонов от севера. Теплейшие страны находятся в понизовьях Терека и Кубани...» [8].

Данный регион относится к относительно богатой горной территории, исторически освоенной благодаря естественным ресурсам (вода, почва, растения, животные и другим компоненты природы). В одном из первых

¹ Особую значимость приобретает вопрос о восприятии природно-географической среды в исторической ретроспекции. История развития природы и отдельных ее компонентов (климата, растительности, животного мира, рельефа и т. д.) изучается не только особой наукой - палеогеографией, но и археологией. Именно благодаря археологическим обследованиям Северо-Западного Кавказа накоплены сведения, позволяющие судить о влиянии на протяжении веков природных условий на хозяйственную деятельность и бытовую культуру.

орографических¹ очерков Кавказа российский военный историк, генерал-лейтенант, академик Петербургской АН (1890) Николай Федорович Дубровин подчеркивал: «Природа сама разделила Кавказ на три характеристичные и отдельные части: на Предкавказье, составляющее продолжение равнин южной России и простирающееся до самого подножия гор; на Кавказ, или самый хребет с его многочисленными отрогами, хребет, пролегающий от Тамани до Баку на расстоянии около тысячи верст, и, наконец, на Закавказье, или пространство, лежащее по южную сторону Главного хребта до самой границы нашей с Персией и Турцией» [14, с. 17].

Именно в этом «разделенном» территориальном пространстве формировалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения этой благодатной и суровой земли. Для Северо-Западного Кавказа было характерно сочетание равнинного, предгорного и горного ландшафтов, с большой высотной разницей даже между близко находящимися участками местности.

С глубокой древности «горная природа страны с ее труднодоступными перевалами и ущельями благоприятствовала обособлению племен, представляющих пеструю смесь различных языков и культур, но усваивавших себе вместе с тем и некоторые общие черты нравов и быта» [26, с. 106]. Особенности природных условий, «угрожающие» природные явления, с древнейших времен оказывали определяющее влияние на ход исторической жизни адыгов. Хорошо известно, что жизнь в горной местности более опасна и трудна, чем на равнинах. В основном жители могут рассчитывать на внутренние ресурсы и помощь сородичей, но благодаря природной перспективе горцы нередко «смотрят на мир сверху вниз» [30, с. 336].

Несмотря на контрастность климатических условий, повышенный риск природных, стихийных явлений, самыми здоровыми, «не имеющими никаких эпидемических болезней» были возвышенные места, изобилующие лесами, где не бывало сильной жары, где воздух освежается частыми ветрами. В то время как места низменные, в частности, закубанского пространства, прилегающего к плавням, считались наименее здоровыми «как для туземцев, так и для временных, случайных жителей» [14, с. 52].

Кавказ, его своеобразие и таинственность все более занимала воображение российского общества, нередко проявляясь в весьма своеобразной форме. Так, в 1779 году на роскошном празднике (с балом, маскарадом, фейерверком, плывущими по озеру аллегорическими картинами), устроенном Г.А. Потемкиным на берегу Невы недалеко от Александро-Невской лавры, всеобщее изумление и восторг вызвал грот, окруженный плетущимися розами, миртовыми и лавровыми деревьями, представлявший Кавказские горы с водопадом, стремительно падавшим с вершины горы на дикие утесы [5, с. 54].

Важно обратить внимание на многослойность пространственной картины мира в сознании адыгов, включающей мифологический универсум, бытовой

¹ Орография (от греч. *oros* – гора и *grapho* – пишу) отдел физической географии, изучающий рельеф земной поверхности.

«здравый смысл», признаки зарождающегося научного моделирования. При этом эти пласты «образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое...» [22, с. 296]. Задумаемся над фактом: в объединенных военных походах разные отряды адыгов, часто выступали не под знаменами племен, а под знаменами отдельных районов или рек, где они жили [21, с. 203].

Именно опыт «обживания» территории, постепенное осмысление своего места в физическом мире, играл определяющую роль в формировании образа жизни адыгов, приводил к расширению освоенных пространств, позволял рационально организовать свою биологическую и социальную жизнь, максимально адаптироваться к окружающей среде.

Принято считать, что месторазвитием народов становились территории, взаимодействия двух или более ландшафтов. Северо-Западный Кавказ один из таких районов мира: почти на всей его территории сочетаются степь, лесостепь, лесные холмистые предгорья, обширные горные долины и нагорные плато, субальпийские и альпийские луга, скалистые горы, покрытые снегом и ледниками. Исходя из благоприятных условий для поселений местность делилась на горную, среднюю и низовую. При этом если в горах возможна была лишь традиционная «горная жизнь», то в средней и низовой части «весьма много было мест удобных для поселения» [29].

Хан-Гирей, ссылаясь на народные предания, относил черкесские племена к «коренным туземцам», освоившим «северо-западную часть Кавказских гор, на юг от Кубани». Им была поставлена и другая не менее важная проблема - причины расширения пространства обитания. К ним он относил постепенный прирост народонаселения, «выход» к более благоприятным природно-климатическим зонам («прекрасным равнинам», раскинувшимся у северных покатостей гор); войны с усиливающимися соседями [32, с. 516].

Наиболее ранние представления адыгов об особенностях организации географического пространства связаны с Кавказскими горами, выдвинувшимися «громადной стеной от одного моря до другого» [16, с. 24], воспринимаемыми как знаковая доминанта этой территории. Кавказ в представлениях античных мыслителей приобретает мифический, сакральный смысл. С античных времен существовало представление о Кавказе, как едином пространстве, самом отдаленном «из известных в то время людям» - таинственной «Стране гор», занимающей громадную площадь, вмещавшую многие «царства и народы». Кавказские горы, как отмечал Страбон, были «самыми отдаленными из известных в то время людям» [16, с. 192].

Неудивительно, что именно они стали в высшей степени знаковым, географическим ландшафтом памяти, символическим образом как греческой, так и адыгской мифологии. Известно, что древние греки, как и другие народы, традиционно называли племена по их географическому положению, по роду занятий или иным выраженным признакам. Горы воспринимались как основной, уже закрепившийся в сознании «центр» при описании территории обитания народов или направлений миграций: «у подножия Кавказа», «граничит с Кавказским хребтом», «области к северу от Кавказа», «Кавказские горы справа», «слева от Кавказа» [16, с. 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 27, 88]. Более

того, именно в этом регионе многие исследователи стремились обнаружить условную границу между Европой и Азией, двух из трех известных в то время континентов [16, с. 173].

Нельзя не учитывать и еще одного обстоятельства: в поле внимания античных авторов, как правило, попадали народы, живущие по берегам известных морей, заливов, рек. Уже в то время водные системы воспринимались как кровеносные артерии, наполняющие жизнь людей энергией, способные расширить сферу контактов. Так, территорию от Азовского до Черного моря античные историки называли Меотидой («мать Понта»), а Азовское море - Меотским озером. «Вокруг озера Меотиды, - писал Страбон, - живут меоты» [16, с. 177].

Величие гор, их особая энергетика ассоциировалась с такими человеческими качествами как достоинство, стойкость и независимость. Для черкесов главная гора Эльбрус (Ошхамахо) имела *знаковый смысл* - «Гора счастья», пантеон богов. В нартском эпосе повествовалось, что именно на вершине этой священной горы обитает главное божество Тхэшхо (верховное божество, демиург). В обрядовых церемониях его величали: «великий», «от кого исходят богатые дары», «кого все просят, но сам никого не просит». Устные предания адыгов населяли горы отважными героями, иныжами-великанами, злобными колдуньями: это был таинственный, но, тем не менее, «свой» мир.

Веками в массовом сознании адыгов продолжала сохраняться генетическая связь с Кавказскими горами как особым микромиром, со зримыми доминантами - горными вершинами, делением жизненного пространства по вертикали: «верховная» и «низовая» часть аулов. «Прекрасные долины их к себе манили, - писал С. Хан-Гирей о бжедухах, - они подвинулись с прежних мест..., но боялись выйти вдруг в незнакомые равнины; старцы предсказывали гибель, если оставят горы, с которыми привычка сроднила их» [31, с. 186].

В годы Кавказской войны проявилось типичное для горских народов явление: непоколебимая уверенность в спасительной силе родных гор, способных стать надежной преградой на пути любого захватчика. Во многом это настроение характерно и для других народов горных регионов, нашедшее выражение в теории рефугиума (*refugium*), убежища. Горький опыт войны, учитывая технические возможности противника, показал условность закрепившихся в сознании горцев представлений. По мере развития военных действий все более остро ощущалось несоответствие спокойствию долин и таинственной тишине гор, массированных артиллерийских обстрелов, «так быстро и страшно прервавших это спокойствие» [21, с. 72].

Желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, российское командование предпринимало, как неоднократно признавалось, опасные, но, по сути, безрезультатные походы в горы, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в коллективной памяти адыгов убеждение в их неприступности, но эти «посредственные усилия» мало пугали людей, считавших себя непобедимыми «в своих горах» [23, с. 22]. Не меньшее значение придавалось «пресечению»

попыток «выхода» адыгов «за Кубань», воспринимаемой в качестве естественной границы среды обитания, освоенного пространства, более того, водораздела, отделяющего мир адыгов от «чужого», враждебного мира, «*земли войны*».

По мере развертывания военных действий особый смысл стали приобретать ущелья в качестве безопасного комплекса, состоящего из горных склонов и реки. В структуру ущелья входили поселения, пашенные, сенокосные, пастбищные угодья и леса, а также вспомогательные жилищные комплексы в местах осенне-весеннего и летнего выпаса скота. Помимо хозяйственного значения «ущелья» становились сосредоточением представлений о «родной земле», что отражалось в организации его обороны, размещении в нем святилищ, в отношении ко всему, что находилось вне «ущелья», как к внешнему миру [13, с. 147].

К тому же ущелье воспринималось как последняя возможность сохранения «своего» социально-культурного пространства. Несмотря на условность границ, это пространство имело признаки места: освоенного, «своего». Ландшафтные и социальные условия обусловили специфику восприятия пространства: большие расстояния измерялись в днях его преодоления всадником, площадь пашни - в дистанциях полета стрелы или броска камня [2, с. 92-108]. Даже когда утрачивались физические границы, представления об их существовании продолжали сохраняться. Более того, закреплялись в сознании на уровне маркировки по именам людей или значимым событиям, ставшим не только пространственными ориентирами, но и «знаками памяти». В этом смысле интересно замечание А. Гуревича - «место имеет такие же права, как человек» [12, с. 88].

История горцев Кавказа убедительно свидетельствует, что они не столько «переживали» неблагоприятные периоды, находя «убежище» в горах, сколько *стремились жить именно в этом пространстве земли*, несмотря на сложные природно-географические условия, «выработав» в процессе исторического развития своеобразные формы хозяйственного быта, социального строя, общественных отношений и культуры.

При этом нельзя не отметить, что горы воспринимались русскими, привыкшими к бескрайним степным просторам, как территория враждебная цивилизации, внушавшая панический страх. Даже мелодичный концерт соловьев, дополняемый лягушками и шакалами, чье «кваканье и вой беспрестанно неслись из леса и раздавались отовсюду, становясь угрожающе громкими, вызывал опасение страшного нападения» [21, с. 56]. При этом величественная природа Кавказа не могла не вызывать романтических образов: «Как я любил, Кавказ мой величавый, - писал Михаил Лермонтов, - твоих сынов воинственные нравы, твоих небес прозрачную лазурь и чудный вой мгновенных, громких бурь» [19, с. 699].

История цивилизаций дает наглядное представление о том, каким образом формировались знания об окружающем пространстве в зависимости от характерного образа жизни. Для оседлых народов среда обитания обычно ограничивалась горизонтом, за которым лежал чужой, враждебный мир и

фактически сводилась к сравнительно небольшому участку земли, где находились жилища, поселения, поля и угодья. Для кочевых народов пространство было бесконечно: завоевывая и опустошая его, они стремились на поиски новых территорий.

Природные факторы оказывают выраженное влияние на психологические особенности человека, определяют различия «национальных» характеров [25, с. 158]. В частности, многие авторы, описывая приморскую Черкессию, отмечали, что эта территория отличается не только особым ландшафтом и агрикультурой, но именно здесь сохранялись древние обычаи, традиционные социальные устои, мифы и языческие верования, ни с чем не сравнимый аромат прошлого. «Именно в причерноморскую Шапсугию стремятся совершить этнографические экспедиции современные кавказоведы: здесь в значительной степени сохранен уклад традиционного адыгского общества; здесь еще помнят как сами ритуалы, так и *их смысл*» [1]. Обращаясь к этой проблеме, современные исследователи отмечают, что горцев Северного Кавказа «вполне можно назвать хранителями первооснов бытия: в горах и сегодня можно встретить проявления самых разных форм эволюции человечества» [17, с. 6].

В целом накопленный адыгами опыт представлял уникальную модель освоения жизненного пространства: в рамках единого хозяйственного комплекса успешно осваивались значительные лесостепные и степные территории, долины, предгорья, леса, высокогорные луга. Несмотря на то, что многочисленные завоеватели периодически опустошали эту территорию, подрывая земледельческую культуру местных жителей, народы вновь и вновь не только восстанавливали, но и совершенствовали хозяйственный опыт.

Пространство обитания воспринималось адыгами как реальный ресурс жизнедеятельности, освоение которого носило как экстенсивный, так и интенсивный характер. Адыги стремились использовать не только новые территории в границах освоенного ареала, но и качественно совершенствовать способы хозяйствования на уже ранее освоенных землях. *Для адыгов были характерны широкие и разнообразные связи с природой не потому, что они жили под ее давлением, а потому что она делала их свободными.*

Культурным ферментом в истории адыгов стало освоение Черного моря¹. Географическое положение Северо-Западного Кавказа, расположение его горного массива вдоль моря, от Анапы до Сухуми, наличие удобных гаваней и перевалов, открывало свободный выход к морю. В истории народов роль моря проявлялась в двух аспектах: море становится дополнительным источником продуктов и материальных благ для прибрежных народов, но главное, освоение моря способствовало коммуникации, приносило новые культурные влияния. Море притягивало и отталкивало: оно одновременно угрожало жизни и поддерживало ее. *«Умело пользуясь дарами богатой природы, горцы сумели воспользоваться близостью моря для расширения торговых сношений и*

¹ Одна из первых географических карт Эратосфена (276-194 до н.э.), выдающегося греческого математика, астронома и географа, изображала бассейны Средиземного и Черного морей.

увеличения размеров сбыта разнообразных продуктов своего хозяйства» [20, с. 6].

«В любом случае соседство моря, - утверждает известный современный исследователь истории цивилизаций Фелипе Фернандес-Арместо, - до того мощная особенность среды, что перед ней все остальные меркнут. Каковы бы ни были почвы и климат, рельеф или животный и растительный мир, если поблизости море, именно оно становится главным фактором. *Близость к берегу формирует взгляд на мир и образ мысли*» [30, с. 402].

Веками живя в определенных природных условиях адыги смогли приспособиться к ним не только путем адаптации, но и изменяя свои поведенческие стереотипы. Жизненно важный смысл приобретали усвоенные, передаваемые из поколения к поколению традиции. Для адыгов, как и других народов Северного Кавказа, была характерна деятельность в разных ландшафтных зонах: горы, предгорья, равнины. Действуя методом проб и ошибок, они стремились закрепить варианты, соответствующие наилучшему приспособлению к окружающим условиям. В.К. Гарданов подчеркивает, что «живописность пейзажей Черкесии первой половины XIX века была в известной степени результатом трудовой деятельности населения» [10, с. 70-71].

Военные действия, развернувшиеся на данной территории, не могли не повлиять на природно-ландшафтную среду: вырубка вековых деревьев, создание просек в лесных массивах, обусловленные военно-стратегическими задачами воспринималось адыгами как проявление агрессии, стремление ущемить права *всего* народа. «...Путник не может без сожаления, без участия взирать на родные места, опустошенные уже грозой неумолимой судьбы, но кипевшие некогда силою и блиставшие дарами природы дикой, но величественной..» [33].

В данном контексте может быть осмыслена проблема, сохраняющая актуальность и в наши дни, о *нравственной ответственности* «цивилизованных» народов «за утраченные силы и погибшую культуру» аборигенных народов. Фактически за несколько десятков лет до неузнаваемости изменился облик Черкесии: искусственные каналы заросли и засорились, стоившие многих трудов искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники были частично вырублены во время войны или одичали так, что «теперь уже трудно определить, где кончается перевитая дикой виноградной лозой лесная чаща и где кончается бывшее культурное насаждение» [34, с. 36].

Нарушение природных процессов, вымирание традиционных видов растений и животных, непосредственно отражается не только на жизнедеятельности людей, но и влияет на качество жизни, здоровье, демографическое поведение. Конечно же, под влиянием активной деятельности человека постоянно совершенствуется «броня цивилизации», защищающая его от негативных внешних факторов (сурового климата, стихийных бедствий, инфекционных заболеваний). В то же время, непродуманное вмешательство в природные процессы, экологические катастрофы, функционирование

«грязных» промышленных объектов, сооружение обширных водохранилищ, систематически подтапливающих десятки населенных пунктов, хищническая вырубка лесов, приватизация природных заповедных территорий и охраняемых земель приводит не только к опасной деградации окружающей среды, но и нарушает «экологию человека», его способность адаптироваться, передавать и усваивать унаследованные знания и навыки.

При таком положении никакие «Красные книги» и программы развития горных территорий не способны сохранить традиционную среду обитания кавказских, впрочем, как и других народов¹. Изменения, ставшие следствием негативного воздействия общества на природу, приобретают необратимый характер. Более того, *уничтожение традиционных ландшафтов самым непосредственным образом влияет на жизнь коренных этносов*, сформировавшихся в конкретных географических и климатических условиях. Проблема эта наиболее актуальна для малочисленных народов, в частности, адыгов, переживших масштабный демографический кризис.

Сегодня Северо-Западный Кавказ признан уникальным центром доместикации, превращения путём отбора и прививок диких плодовых культур (яблони, груши, сливы, черешни, каштана и др.) в домашние [15, с. 295]. Природа имеет удивительную способность к самосохранению, о чем свидетельствуют исследования, проведенные в Кавказском государственном природном заповеднике, выявившие огромное количество сохранившихся эндемичных и реликтовых форм флоры и фауны. Дикие заросли плодово-ягодных растений в лесах Адыгеи представляют ценнейший материал не только для селекционеров, но и для изучения среды обитания человека в прошлом [9, с. 229].

Вне всякого сомнения, такие сложные, многоплановые проблемы требуют комплексного исследования: в настоящее время появились оригинальные исследования на «стыке» экологии, психологии и других научных дисциплин, направленные на изучение особенностей влияния окружающей среды на человека. Связь истории с природно-географической средой несомненна, но не только природным фактором определяется степень самобытности народов. Ритмы развития сопряжены с пульсом социальных процессов: окружающая природная среда определяет не только физиологию людей, типологию хозяйственной деятельности, но и детерминирует особенности этнической культуры и психологии. Отвечая на вопрос «Что такое Франция?» Ф. Бродель очень точно заметил, что *страну сплавляют «многоликие перепутанные, трудно уловимые узы, связующие историю страны с её территорией»* [7, с. 7].

¹ Природоохранные территории в Адыгее: Кавказский Государственный Биосферный Заповедник, Даховский Государственный Заказник, Шовгеновский Государственный Заказник, Красногвардейский Государственный Заказник, Ботанические заказники.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агрба Б.С., Хотко С.Х.* «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. - 48 с.
2. *Аутлев П.У., Алибердов Т.Д.* О народной метрологии адыгов // Ученые записки Адыгейского НИИ. - 1968. - Т. VIII. - С. 92-108.
3. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. - М.: ОГИЗ, 1947. - 356 с.
4. *Берг Л.С.* Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. - Пг., Государственное издательство. 1922. - 321 с.
5. *Брикнер А.Г.* Потемкин. - М.: Терра, 1996. - 270 с.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. - М.: Весь Мир, 2006. - 622 с.
7. *Бродель Ф.* Что такое Франция?: в 2-х кн. Кн. 1. Пространство и история. - М.: Изд-во им. Сабашиковых, 1994. - 406 с.
8. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 т. - М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Т. 1. - 385 с.; Т. 2. - 485 с.
9. *Вавилов Н.И.* Дикie родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Вавилов Н.И. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. - Л.: Наука, 1967. - С. 225-247.
10. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. - М.: Наука, 1967. - 331 с.
11. *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. - М.: Экспресс, 1993. - 544 с.
12. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. - М.: Искусство, 1984. - 350 с.
13. *Дмитриев В.А.* Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2007. - Т. 10. - № 4. - С. 143-160.
14. *Дубровин Н.Ф.* О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. - 519 с.
15. *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. - М.: Сов. наука, 1950. - 595 с.
16. *Кавказ и Дон* в произведениях античных авторов / сост. В.Ф. Патракова и В.В. Черноус; отв. ред. М.Р. Гасанов. - Ростов н/Д: Изд-во «Русская энциклопедия», 1990. - 399 с.
17. *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. - М.: Молодая гвардия, 2003. - 464 с.
18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. Ч. 1. - М.: Мысль, 1987. - 430 с.
19. *Лермонтов М.Ю.* Измаил-Бей // Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 1. - М.: Правда, 1988. - 720 с.
20. *Личков П.С.* Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев: [Б.в.], 1904. - 87 с.
21. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. - 541 с.
22. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - 464 с.
23. *Марини Т.* Путешествие по Черкесии. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. - 284 с.
24. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. - 803 с.
25. *Ратцель Ф.* Народоведение: в 2-х т. Т. 1. - СПб.: Книгоиздательство Товарищества «Просвещение», 1900. - 764 с.
26. *Россия.* Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. - М.: ЭКСМО, 2006. - 704 с.
27. *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почвы. - Прага: Евраз. книгоизд-во, 1927. - 180 с.
28. *Семенов Ю.И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). - М.: «Современные тетради», 2003. - 776 с.

29. *Стебницкий И.И.* Географические заметки о восточной части Закубанского края 1864 г. // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1867. – Т. 1. – С. 17-32.

30. *Фернандес-Арместо Ф.* Цивилизации / пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. – 764 с.

31. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

32. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.

33. *Хан-Гирей.* Князь Пшхской Аходягоко // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 17. – Тифлис: Типография: Канцелярия главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе и Козловского, 1893. – С. 1-43.

34. *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.: Издание М. Мухтарова, 1913. – 185 с.

35. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Т. 1. История края. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – 734 с.

УДК 94(470.621)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-21-32

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ

Э.А. ШЕУДЖЕН

Адыгейский государственный университет

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

E-mail: scheujen2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из основополагающих теоретико-методологических проблем – влияние природно-географического фактора на этногенез адыгов. История адыгов, как и других этносов, неразрывно связана с определенным участком земной территории, с опытом использования ее ландшафтно-географических ресурсов. Несмотря на сложные природные условия, адыги веками стремились жить именно на этом пространстве земли, выработав в процессе исторического развития коллективный опыт его хозяйственного освоения, своеобразные формы быта, социального строя, общественных отношений и культуры, более того, черты характера, жизненную энергию, чувства и стремления. Для адыгов были характерны широкие и разнообразные связи с природой: они не только жили под давлением реальных жизненных обстоятельств, владели развитой практикой адаптации, но во многом своеобразие географической среды поддержало осознание личной свободы, иллюзию защищенности. Именно сложный характер взаимопроникающих связей: «человек – среда обитания», оставаясь предметом устойчивого исследовательского интереса, способствует пониманию процесса этногенеза народа.

Ключевые слова: Адыги; Северный Кавказ; Кавказские горы; исторический процесс; этногенез; природно-географическая среда; освоение среды обитания; цивилизация.

INFLUENCE OF THE NATURAL GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT ON ETHNOGENESIS OF THE ADYGHES

E.A. SHEUDZHEN

Adygean State University
385000, Republic of Adygea, Maikop, Pervomayskaya street, 208
E-mail: scheujen2013@yandex.ru

Abstract. This work deals with one of paramount theoretical-methodological problems – influence of a natural geographical factor on ethnogenesis of the Adyghes. History of the Adyghes, similarly to other ethnoses, is inseparably linked with a certain site of the terrestrial territory, with experience of use of its landscape and geographical resources. Despite a complicated natural environment, the Adyghes for centuries sought to live on this land space, having developed in the course of historical evolution collective experience of its economic development, peculiar forms of everyday life, social system, public relations and culture; moreover, character traits, vital energy, feelings and aspirations. Broad and diverse relationships with the nature were typical of the Adyghes: they not only lived under pressure of real vital circumstances, had the developed practice of adaptation, but in many respects the originality of the geographical environment supported awareness of personal liberty, illusion of security. Exactly this complicated nature of the interpenetrating relationships: «person – habitat», remaining a subject of sustained research interest, promotes understanding of process of the people's ethnogenesis.

Key words: the Adyghes; the North Caucasus; the Caucasus Mountains; historical process; ethnogenesis; natural geographical environment; development of the habitat; civilization.